

Х Р О Н И К А

ОБСУЖДЕНИЕ УЧЕБНИКА ПО ЭТНОГРАФИИ СССР

12 июня 1958 г. на заседании Ученого совета Института этнографии обсуждался учебник С. А. Токарева «Этнография народов СССР» (изд. МГУ, М., 1958). В кратком вступлении директор Института С. П. Толстов сообщил, что книга эта, представляющая собой крупное явление в советской этнографической литературе, уже вызвала ряд как положительных, так и отрицательных откликов; Институту этнографии Академии наук, как ведущему этнографическому учреждению Советского Союза, в первую очередь надлежит дать справедливую оценку этой книги, что является, ввиду огромного содержащегося в ней материала, нелегкой задачей, выполнить которую можно только коллективно, силами специалистов, изучающих отдельные народы или группы народов нашей страны. В связи с этим С. П. Толстов предложил провести обсуждение этого труда по разделам, посвященным отдельным народам.

По разделу «Восточнославянские народы» выступила Г. С. Маслова, начавшая с общей характеристики всей книги в целом как первой в нашей литературе сводной работы, дающей известное представление обо всех народах СССР. Это первое учебное пособие по этнографии охватывает огромный материал и может оказаться полезным и начинающему, и подготовленному читателю. Автор книги охватил большое число проблем, не избегая ставить еще подлежащие исследованию неразрешенные вопросы, раскрывая борьбу мнений вокруг различных теорий.

К сожалению, С. А. Токарев, приводя точку зрения того или иного автора по какому-либо вопросу, не всегда высказывает свое мнение, и получается впечатление, что он присоединяется к изложенной концепции (например, в отношении данной Д. К. Зелениным классификации сельскохозяйственных орудий с его ошибочным выводом об эволюции от ораля к плугу). Естественно, что при таком большом объеме книги не все ее разделы равноценны: некоторые из них (например, о народах Сибири) насыщены материалом, даются развернуто, другие же — более обобщенно. Неодинаково разработана и этнографическая тематика: большое внимание, например, автор уделил вопросам религии, материальная же культура, социальные отношения отражены в книге слабее.

Перейдя к разделу о восточных славянах, Г. С. Маслова отметила недостаточно четкую датировку рассматриваемых явлений, описываемых автором то в настоящем, то в прошедшем времени, вследствие чего иногда трудно разобраться, о каком историческом периоде идет речь. Мало внимания уделил автор нашей современности, в частности совсем не поднята им тема о быте рабочих. Не затронут вопрос об отходничестве, сыгравшем значительную роль в изменении крестьянского быта конца XIX — начала XX в.; не ставится вопрос о прогрессивности этого отхода.

Недостаточное место уделено в учебнике и теме о семье, в частности, не показано различие между большой семьей, охватывавшей большой круг родственников не только по прямой, но и по боковой линии, и неразделенной семьей более позднего времени, которая включала только прямых родственников, да и самый строй ее был иной. При том богатстве литературы, которая использована С. А. Токаревым, новейшие исследования, к сожалению, не нашли достаточного отражения в книге. Г. С. Маслова указала далее на ряд встречающихся в учебнике неточностей (в характеристике одежды, построек) и на некоторые неверные суждения. Так, например, описывая русское население Сибири и Дальнего Востока, С. А. Токарев находит там больше местных различий, чем общего; между тем последние экспедиционные материалы самой Г. С. Масловой и других исследователей позволяют установить большую общность в культуре русского населения всей Сибири и Дальнего Востока, представляющей собой единый комплекс. То же и в отношении южных великорусов — несмотря на вкрапления отдельных локальных групп, южновеликорусская культура монолитна,

что четко выявляется, например, на картах, подготовляемых Институтом этнографии для Русского этнографического атласа¹.

По разделу о восточных славянах выступил и С. П. Толстов. Он также отметил как один из основных недостатков книги то, что современный быт народов, составляющий важнейший предмет советской этнографической науки, фигурирует в учебнике лишь в качестве небольшого привеска, а главное место в книге занимает так называемая традиционная культура, причем зачастую читателю непонятно, к какому времени относится то или иное явление. Вместе с тем в изложении автора этническая специфика русского, украинского и белорусского народов отсутствует — фигурирует лишь некая аморфная масса восточных славян; анализируются отдельные явления — одежда, утварь, свадебные обряды и т. д., но характеристики народа нет, чем отличается русский народ от украинского или белорусского, — не показано. Что касается вопроса о происхождении славян, то трудно понять, какой точки зрения придерживается автор. В качестве последнего слова науки излагается весьма спорная концепция Лер-Сплавинского, не отличающаяся от компаративистских построений исследователей второй половины XIX в., а через несколько страниц столь же хвалебно, без всякой критики излагается прямо противоположная точка зрения Соболевского. «Излагая мнения отдельных авторов, — сказал С. П. Толстов, — С. А. Токарев не считается с тем, что эти мнения с течением времени могут изменяться, ибо наука не стоит на месте. В частности, приводя выдержку из моей статьи по проблеме аккумуляции, С. А. Токарев весьма высоко оценивает ее (стр. 23 обсуждаемого учебника); между тем за 30 лет, прошедших со времени опубликования этой статьи, я изменил свою точку зрения, написал много других работ, исключающих ту, на которую опирается С. А. Токарев. Единственно ценным в этой статье была моя полемика с Д. К. Зелениным по вопросам этногенеза славян, но именно этот момент С. А. Токарев в своей книге обходит, излагая две прямо противоположные точки зрения и не показывая, которую из них он принимает». По вопросу о происхождении восточных славян, продолжал С. П. Толстов, автор, видимо, хотя и с оговорками, соглашается с концепцией Шахматова о существовании уже в глубокой древности трех или четырех восточнославянских народов. Другой точки зрения мы в обсуждаемой книге не находим. Между тем современные исследования показывают, что был один древнерусский народ и никаких зачатков украинцев, белорусов и великорусов в древности не существовало; были славянские племена, локальные группы, которые нельзя отождествлять с позднейшими восточнославянскими народами; в позднем средневековье в определенных исторических условиях происходит политический распад единой до того древнерусской народности, каждая из ее частей проходит свой особый исторический путь, образуются три народа — русский, украинский и белорусский. Все это хорошо показано, в частности, в новейших трудах по истории русского народа, по истории Белоруссии и Украины, но С. А. Токарев эти труды не использовал.

По разделу о неславянских народах СССР (Прибалтики, Поволжья) от имени своего и других сотрудников Института, изучающих эти народы, выступила Л. Н. Терентьева. Подчеркнув большое значение выхода в свет учебника по этнографии СССР, нужда в котором очень велика, Л. Н. Терентьева высказала сожаление о том, что книга своевременно не подверглась обсуждению Ученого совета, тогда как это помогло бы автору избежать многих недочетов. Написать такой огромный труд одному человеку было очень сложно, и коллектив этнографов Института, несущий в известной мере ответственность за эту книгу, должен был помочь ее автору. Л. Н. Терентьева выразила свое несогласие с той оценкой уровня изучения современности советскими этнографами, которую С. А. Токарев дал в введении к книге, указав, что только историческая этнография пришла к определенным выводам и решила ряд проблем. Между тем за последние годы коллективом Института этнографии и коллективами других центральных и местных научных учреждений сделано очень много в области изучения современной этнографии народов СССР. Не удовлетворена Л. Н. Терентьева и тем, как сам С. А. Токарев подошел к показу современных процессов, происходящих среди народов Советского Союза, отдавая этому ничтожное место в книге и изложив эти процессы крайне схематично, вследствие чего пред-

¹ Аналогичны замечания на раздел о восточных славянах, присланные в письменной форме сотрудниками ленинградской части Института этнографии — Т. В. Станюкович, М. Д. Горэн и Л. М. Сабуровой. Важнейшие из этих замечаний относятся к недостаточной историчности и неравномерности изложения отдельных тем. Описывая то или иное явление материальной и духовной культуры, говорится в замечаниях, автор часто ограничивается ссылкой, что это было «в прежнее время», «в старину», не говоря о хронологических рамках данного явления и его дальнейшем развитии. В ряде случаев автор ограничивается описанием старого быта, что приводит к известной архаизации явлений (так, С. А. Токарев описывает формы одежды, господствовавшие в русской и украинской деревне на грани XX в., ничего не говоря об одежде нашего времени). Иногда автор, чересчур подробно останавливаясь на некоторых явлениях, опускает ряд существенных сторон культуры описываемого народа; очень мало, например, сказано о промыслах украинцев и совершенно ничего — о промыслах белорусов; ничего не говорится и об одежде белорусов.

ставления о современном уровне жизни народов читатель вынести не может. Нельзя согласиться и с таким построением книги, когда ряд народов объединяется под общей рубрикой, из-за чего лицо каждого народа стирается. Особенно это касается народов Волго-Камья, которые описаны так, что читателю трудно разобраться, что к какому именно народу относится. Непропорционально распределено описание отдельных народов внутри разделов: так, ливам, которых всего несколько сот человек, отведено неоправданно большое место. То же можно сказать и об изложении отдельных тем: например, хозяйственная деятельность народов освещена довольно скупо, тогда как вопросы религии занимают в книге непропорционально большое место. В учебник вкрались и некоторые ошибочные положения: так, о литовцах говорится, что они «сохранили деление на аукштайтов и жемайтов», тогда как современные литовцы представляют собой монолитную нацию. Так же обстоит дело и с латгальцами, которые давно уже наряду с другими этнографическими группами Латвии консолидировались в единую латышскую нацию. В главе о мордве слишком подчеркнута разница в языке отдельных групп мордовского народа, в то время как идет интенсивный процесс консолидации мордовской социалистической нации. Неверное представление о культуре народов, и в частности — прибалтийских, дает описание ее как культуры крестьянского населения, а не всей нации в целом. Нельзя сейчас писать о народах Прибалтики, как и о других народах Советского Союза, не говоря о городском населении, не учитывая, что в состав нации входит не только крестьянство, но и рабочий класс, и интеллигенция. В отношении народов Прибалтики нельзя упускать из виду такого важного периода в их истории, как годы буржуазной республики, оставившие тяжелый след в их хозяйстве, культуре и быте. В книге говорится, что в Литве до 1917 г. процент грамотных был высок; между тем и в годы буржуазной республики в Литве неграмотность населения была очень велика. Вообще вопросы духовной культуры (уровень грамотности, развитие науки, профессионального искусства) в книге отражены слабо, чего нельзя сказать о вопросах общественного быта, которые автор довольно полно осветил. Что касается материальной культуры, то С. А. Токарев уделил место описанию только жилища и костюма; другие ее стороны (средства передвижения, лица и т. д.), весьма существенные для раскрытия облика народа, освещены далеко не достаточно. В заключение Л. Н. Тереньтева еще раз подчеркнула необходимость более активного вмешательства коллектива при подготовке таких капитальных трудов, как обсуждаемый учебник, чтобы не допускать ошибок, о которых приходится говорить уже после выхода книги в свет.

Т. А. Жданко, отметив значение выхода в свет первого учебника по этнографии СССР, вместе с тем указала на ряд имеющихся в нем серьезных недостатков, в частности, в разделе о народах Средней Азии. Прежде всего, сказала Т. А. Жданко, нельзя согласиться со структурой этого раздела, в исторической части которого после параграфа «Присоединение к России» следует пространное описание хозяйства, культуры, общественного строя и верований народов Средней Азии в прошлом, а затем идет параграф «Национальное размежевание», параграфа же об Октябрьской революции нет совсем. Получается, что основной перелом в судьбах народов Средней Азии произошел именно в результате присоединения к России; предшествовавшие национальному размежеванию мероприятия по социалистическому преобразованию всей жизни этих народов выпадают, а национальное размежевание изложено как какое-то мероприятие административного порядка, огромное значение этого революционного акта — образование суверенных государств ранее угнетавшимися колониальными народами — утрачивается. Вопросы советской национальной политики, которая и в последующие годы так ярко проявлялась, выпали из поля зрения автора. Неудовлетворительно представлен и современный облик каждого народа. Так, описывая хозяйственную деятельность таджиков или киргизов, автор ничего не говорит об имеющейся у них промышленности, об их рабочем классе. Касаясь важных общих проблем этнографии Средней Азии, С. А. Токарев иногда обращается к старым, уже отброшенным концепциям, недостаточно используя современные труды советских ученых. Так, говоря о взаимоотношениях кочевников и земледельцев, он указывает лишь, что раньше враждебный характер этих взаимоотношений «преувеличивался». Однако должного отпора господствующей и сейчас в зарубежной литературе теории об извечной борьбе тюрков-кочевников с иранцами-земледельцами С. А. Токарев не дает. Между тем имеющиеся в нашей литературе новейшие материалы свидетельствуют не столько о вражде, сколько о тесных экономических и других связях между кочевниками и земледельцами оседлых районов; представление о так называемой «дикости» кочевников все больше опровергается — археологические исследования подтверждают, что и в кочевых районах была высокая культура, выявляется, что значительную часть населения степей издавна составляли полукочевники, а «чистых» кочевников было сравнительно мало. Нельзя преувеличивать и роль кочевых народов в разрушении земледельческих оазисов — от набегов кочевников оседлые земледельцы страдали несравненно меньше, чем, например, от нашествия Тимура — главы крупного феодального государства. Необходимо отметить встречающиеся в книге неверные суждения по вопросам этногенеза народов Средней Азии (кстати сказать, иногда освещение проблем этногенеза подменяется объяснением названия того или иного народа). Правильно описывая в исторической части процесс сложения узбекского народа, С. А. Токарев в дальнейшем вводит читателя в заблуждение, заявляя, что узбеки только по языку

отличаются от таджиков (стр. 345). О происхождении туркмен в одном месте правильно сказано, что существенную роль в их этногенезе играли древние местные племена, смешавшиеся с пришельцами-тюрьками, в другом месте — приводится старая, уже отвергнутая теория о том, будто огузы являются прямыми предками туркмен. Касаясь социального строя туркмен, С. А. Токарев приводит две различные точки зрения: согласно одной из них, у туркмен вплоть до присоединения к России господствовали патриархально-феодалные отношения, согласно другой — у туркмен якобы до конца XIX в. существовал строй военной демократии и еще в первой половине XIX в. туркменские племена представляли собой однородную массу свободных, никому не подчинявшихся общинников. Первая из этих концепций вошла в советскую научную литературу и изложена в последнем издании «Истории туркмен», вторая же нам не известна, да с ней и никак нельзя согласиться. В заключение Т. А. Жданко указала еще на один крупный недостаток книги С. А. Токарева — тот, что наряду с большим вниманием, уделяемым дореволюционной историографии, он очень мало места отвел трудам советских исследователей: в библиографическом списке не учтены, например, очень важные для этнографии работы, выполненные научными учреждениями национальных республик.

Выступивший по разделу о народах Средней Азии Г. Г. Стратанович также сделал ряд замечаний, хотя и более частного характера².

И. С. Гурвич зачитал замечания по обсуждаемому учебнику, присланные сибиристами ленинградской части Института.

Л. П. Потапов указал на ошибочность структуры раздела «Алтае-сайские народы», при которой все эти народы рассматриваются вместе ввиду значительной, по мнению автора книги, однотипности их культурно-бытовых особенностей. В действительности же эти народы могут быть объединены лишь по признаку обитания на Алтае-Саянском нагорье и их тюркоязычности; причем тюркские языки, на которых говорят эти народы, относятся к различным группам. По хозяйству, быту и культуре эти народы различны: алтайцы в основном животноводы, хакасы — земледельцы и животноводы, чулымцы — только земледельцы, тувинцы частью земледельцы, частью животноводы, завершающие свой переход на оседлость, шорцы главным образом рабочие в добывающей промышленности Кузбасса, тофалары — охотники и оленеводы. В культурно-бытовом отношении эти народы резко отличаются друг от друга, и даже отдельные части одного народа имеют сильные различия (северные и южные алтайцы, северо-восточные и западные тувинцы). При таком способе изложения, какой применил автор учебника, специфические черты культуры и быта каждой из этих народностей оказались не выявленными. Особенно вызывает сожаление то обстоятельство, что читатель этой книги не получает представления о современной жизни алтае-сайских народов: так, сообщая сведения о том, что сбор кедрового ореха до сего времени имеет существенное значение в экономике алтайцев, автор оставляет читателя в неведении относительно того, есть ли у современных алтайцев промышленность, меха-

² В присланных из Ленинграда замечаниях на разделы «Казахы» и «Киргизы» С. М. Абрамзон отметил, что оба раздела страдают большим количеством неточностей и искажений, отсутствием характеристики некоторых важных сторон народного быта (например, семейно-брачных отношений), неудовлетворительным изложением в части, касающейся присоединения Казахстана и Киргизии к России и прогрессивного влияния русской культуры на культуру и быт казахов и киргизов. Многие явления освещены неправильно. Это особенно относится к народному изобразительному искусству. Здесь либо повторяются уже устаревшие теории, опровергнутые новейшими исследованиями, либо излагаются взгляды, не имеющие научного значения (например, идея Рындина — Бернштама о «повествовательном» орнаменте у киргизов). В этих вопросах, как и в ряде других, автор книги отразил уже пройденный этап советской науки и тем самым, вольно или невольно, умалил достижения советских историков и этнографов. Неудовлетворителен список литературы, из которого выпал ряд важнейших работ советских авторов.

На случайность отбора литературных источников указала и Е. М. Пещерева. Главы об узбеках и таджиках, отметила она, дают искаженное представление об этих народах. Автор ошибочно считает, что поливное земледелие свойственно только равнинным частям Средней Азии и что для нее не характерно горное земледелие, сочетающееся со скотоводством. Неверны утверждения автора о слабой сохранности до-мусульманских верований среди населения равнин и о силе ислама. В отношении культуры мазаров известно, что «мусульманский святой» в огромном большинстве случаев значил гораздо меньше, чем домусульманские верования, связанные с мазарами. Указатель местных терминов составлен совершенно неудовлетворительно. В словах, относящихся к народам Средней Азии, в 12 случаях перевод дан неверно и в 40 случаях слова приписываются не тому народу, которому они принадлежат. Е. М. Пещерева привела также ряд имеющихся в книге ошибок по более частным вопросам (например, относительно «дубовых резных дверей»: автору учебника следовало бы знать, что дуб в Средней Азии не растет).

Э. Г. Гафферберг указала на ошибки в данных о численности некоторых народностей Средней Азии. Так, джемшидов в Марыйской области не более 500 человек, хазара — едва ли человек 30, а белуджей не одна тысяча, а около пяти.

низированное сельское хозяйство или они по-прежнему остались полукочевниками-скотоводами и собирателями. Говоря об устном народном творчестве хакасов, алтайцев, тувинцев, автор не сообщает о том, что у них за годы Советской власти впервые появились письменность и национальная художественная литература, не упоминает о таких крупных писателях, как тувинец Салчак Тока или алтаец Павел Кучияк. Все это обесценивает книгу, составляет ее крупнейший недостаток.

А. А. Попов в своем отзыве привел ряд примеров неточной или неполной характеристики С. А. Токаревым отдельных народов и встречающихся у них форм материальной культуры и поставил под сомнение некоторые утверждения автора учебника (о древности ручной нарты, о происхождении якутского «балагана», о юкагирской стадии в развитии культуры народов Сибири и др.). Критические замечания А. А. Попова вызвала и приложенная к книге библиография, носящая, по его мнению, следы случайного подбора литературы. Автором учебника не названы труды крупных современных исследователей и наряду с этим приведены второстепенные работы. Это создает ложное впечатление о степени изученности народов Сибири.

Г. М. Василевич указала на ряд имеющихся в учебнике неточностей и ошибок. Так, вопреки утверждению автора учебника на стр. 487, в настоящее время маньчжур нет ни в бассейне Зеи, ни по Амуру, нет и бираров по Бурею; для эвенков не характерна охота с маскировочным щитком (стр. 398), так как в горной тайге двигаться лежа со щитком нельзя, — это характерно для долганов, живущих в тундре. В числе авторов работ по эвенкам назван Расцветаев, который у эвенков никогда не был, а писал о якутах и момских эвенках.

Е. Д. Прокофьева также указала на некоторые ошибки и неточности в учебнике (например, недостаточно обоснованное утверждение о том, что селькупы — осамоедившиеся палеоазиаты).

Отдельные замечания по разделу о народах Сибири были присланы также С. В. Ивановым, Е. А. Алексеенко и Л. В. Хомич.

Выступивший в прениях Б. О. Долгих охарактеризовал обсуждаемый учебник в части, касающейся народов Сибири, как весьма значительный труд. Книга содержит множество необходимых не только студентам, но и широкому читательскому кругу сведений о народах Сибири — об их происхождении, языках, антропологическом облике, хозяйственно-культурных типах, стадиях развития хозяйства и культуры, религиозных представлениях. Б. О. Долгих считает вполне оправданным то, что автор учебника объединил отдельные народы Сибири в ряд групп, описывая их вместе; следовало бы только больше подчеркнуть имеющиеся у этих народов различия. В последней части раздела, посвященной вопросам социалистического строительства у народов Севера, имеются неясности, не показано, какие из проведенных мероприятий оправдали себя и какие не всегда приносили положительные результаты; но и краткое описание того, что сделано там за годы Советской власти, имеет большое познавательное значение. Однако, как и во всякой большой работе, в обсуждаемой книге имеются недочеты и пробелы, которые необходимо устранить при ее переиздании.

М. Г. Левин сообщил, что принципиальных замечаний по разделу о народах Сибири у него нет; имеются расхождения с автором по ряду вопросов — например, по проблемам происхождения эвенков, прародины северо-восточных палеоазиатов и др. М. Г. Левин остановился далее на некоторых замечаниях, данных сибиреведами ленинградской части Института, отведя часть из этих замечаний. Так, возражая А. А. Попову, выразившему сомнение в древности ручных нарт, М. Г. Левин сказал, что имеются все основания считать ручные нарты древнейшим видом транспорта, предшествовавшим всем другим его формам у народов Сибири. Не считает он ошибочным и мнение С. А. Токарева о роли юкагирского элемента в этнической истории народов Сибири. Этнографические, антропологические и археологические материалы не оставляют сомнений в том, что территория юкагири в XVII в., и значительно раньше была очень обширна и что современная территория расселения тунгусских групп была в древности областью распространения юкагири. В заключение М. Г. Левин отметил, что С. А. Токарев взял на себя непосильный для одного автора труд написать сводную работу по этнографии СССР в целом: С. А. Токарев специалист в своей области, и соответствующие части его книги вызывают общее одобрение; в тех же областях, которые выходят за пределы его научной специализации, им, к сожалению, допущен ряд ошибок.

Е. П. Орлова (Гос. музей этнографии народов СССР), отметив положительное значение выхода такого капитального труда, остановилась на некоторых пробелах и недочетах, имеющихся в разделе о народах Сибири.

Г. Ф. Дебеч, выступивший в качестве редактора обсуждаемого учебника, отметил ценность развернувшейся дискуссии, показавшей, что появление этой книги следует считать незаурядным событием в советской этнографической науке, хотя она и вызвала весьма критические замечания. Возражая Л. П. Потапову, Г. Ф. Дебеч высказал мнение, что этнографическое описание алтайских народов иначе, как совместное, построить трудно. Наряду с указанием на имеющиеся в учебнике пробелы и ошибки, подчеркнул Г. Ф. Дебеч, выступавшие отмечали большое значение этой книги. Необходимо ее второе издание, при подготовке которого надлежит учесть высказанные справедливые замечания, что поможет освободить книгу от ошибок и огрехов.

В своем ответном слове С. А. Токарев напомнил, что над этой книгой он работал около 20 лет, неоднократно переделывая ее; этим объясняются обнаруживае-

мые в ней следы многолетних наслоений, что отрицательно сказалось на ее качестве. Рукопись неоднократно обсуждалась в Институте, и многие из сделанных замечаний были учтены автором, с иными же он не мог согласиться и считает, что книга отражает его точку зрения по ряду вопросов. Отвечая на сделанные на данном заседании замечания, С. А. Токарев остановился на вопросах, затронутых рядом выступавших. Первый из таких вопросов касается правомерности совместного описания нескольких народов. С. А. Токарев не согласился с тем, что при таком изложении теряется лицо народа; напротив, сказал он, в некоторых случаях при совместном параллельном описании нескольких родственных народов, например восточнославянских, национальная специфика их выступает рельефнее. В других случаях, например в отношении латышей и литовцев, оказалось более целесообразным отказаться от этого метода изложения. Второе общее для многих выступавших замечание — относительно того, что современный быт народов СССР описан далеко не адекватно тому значению, которое он имеет, — С. А. Токарев признал справедливым; однако он снова сослался на то, что хотя описательных материалов по современному быту народов накопилось очень много, научных обобщений до сих пор еще нет.

Отвечая на замечания Т. А. Жданко, С. А. Токарев снова остановился на вопросе о борьбе двух начал — кочевого и оседлого, составляющей, по его мнению, основную ось исторического процесса в Средней Азии. Это непреложный факт, хотя сводить все к тому, что кочевники постоянно нападали, а оседлые защищались, нельзя: дело обстояло гораздо сложнее, что я, сказал С. А. Токарев, и пытался, может быть не совсем удачно, показать в учебнике. Что касается этногенеза, то, по словам С. А. Токарева, он старался освещать этногенетические процессы, не смешивая их с проблемой происхождения названий народов. Поэтому в учебнике выделены вопросы о том, откуда взялись слова «узбек», «киргиз» и т. д. В трудах по истории Средней Азии, по мнению С. А. Токарева, вопросы этногенеза освещаются не совсем удовлетворительно. В ряде случаев наблюдается смешение истории страны и истории народа, иногда первая заслоняет вторую, народ появляется незаметно.

С. А. Токарев признал, что в учебнике имеются неточные формулировки, например о том, что узбеки это якобы те же таджики, лишь говорящие на другом языке. Признал он также справедливым замечание А. А. Попова и других о том, что библиография, имеющая в учебнике очень важное значение, дана неполно и недостаточно продуманно, но в этом отношении вина в известной мере падает и на издательство, решительно протестовавшее против исправления и дополнения библиографии.

Подводя итоги обсуждению, С. П. Толстов отметил его плодотворность и полезность как для всего коллектива Института, так и для самого автора учебника. Но хотя на этом заседании было сделано очень много критических замечаний по данной книге, сказал он, однако далеко не все ее разделы оказались подвергнутыми детальному обсуждению. К сожалению, мы не слышали здесь выступлений кавказоведов³, хотя раздел о народах Кавказа тоже содержит немало ошибочных суждений и терминологической путаницы. Так, например, С. А. Токарев счел возможным на страницах учебника применить давно отброшенный термин «яфетические народы», возрождающий самые отрицательные стороны теории Марра. Уже одно это показывает, насколько некритично использует автор устаревшие литературные традиции в области кавказоведения. В других разделах книги также немало огрехов и наличествует элемент дилетантизма. И только этот дилетантизм спасает С. А. Токарева от гораздо более тяжелых обвинений. Необходимо отметить проявившуюся при работе над учебником характерную черту С. А. Токарева — непонимание важного значения для творчества любого исследователя критического обсуждения его трудов. Если бы он учел хотя бы наиболее существенные из тех замечаний, которые были сделаны при обсуждении отдельных глав его учебника в секторах Института этнографии, ему не пришлось бы сегодня выслушать такое количество весьма неприятных вещей. Недостатки этой книги воспринимаются коллективом этнографов очень остро, ибо в ней говорится о народах Советского Союза, ее будут читать не только в СССР, но и за рубежом, где жаждут знать, как живут сейчас народы Советской страны. Между тем из данной книги этого узнать нельзя, современную жизнь народов СССР

³ В замечаниях на раздел о народах Кавказа, присланных уже после заседания Ученого совета, сотрудник ленинградской части Института этнографии Л. И. Лавров отметил, что этот раздел, хотя и производит в общем положительное впечатление, но в то же время содержит целый ряд ошибок. Так, автор архаизирует общественные отношения недавнего прошлого у ряда народов Кавказа. Он, например, утверждает, будто еще недавно патриархально-родовые отношения были господствующими у ногайцев, чеченцев, ингушей, у населения так называемых «вольных обществ» Дагестана. Но всякая попытка найти на Кавказе народ, не доросший к XVIII — XIX вв. до феодализма, обречена на провал. Трудно поверить, чтобы борьбу горцев против русского царизма С. А. Токарев на самом деле считал борьбой их против русского народа, как это сказано на стр. 244 его книги. Механическое воспроизведение отзывов некоторых русских авторов XIX в. о чеченцах привело С. А. Токарева к противоречащим исторической правде утверждениям, в которых проявляется недопустимое для советского ученого неуважение к чеченскому народу. Имеются в разделе «Народы Кавказа» и другие, менее значительные ошибки.

автору показать не удалось. Это — основной порок обсуждаемого учебника. Каждый народ вправе потребовать, чтобы в такой книге была показана его современная жизнь. Если бы встал вопрос о переиздании этого учебника, его следовало бы совершенно переделать с тем, чтобы основное место в нем занял материал о современности, ибо этнография, не занимающаяся современностью, вообще не наука, подчеркнул С. П. Толстов. С. А. Токарев ссылается на то, что у нас нет обобщающих этнографических работ по современности, а есть лишь сырой материал. Между тем у нас имеется ряд опубликованных монографий и большое количество статей, посвященных современному быту колхозного крестьянства народов СССР, есть большая книга М. А. Сергеева о социалистическом строительстве у народов Севера, имеются и неопубликованные монографии, с которыми С. А. Токарев как член Ученого Совета имел возможность ознакомиться. Ему как автору учебника по этнографии СССР надлежало эти труды изучить и обобщить, однако он этого не сделал. Когда речь идет о народах СССР, ведущим моментом при освещении этнографического материала должна быть национальная политика Коммунистической партии за годы Советской власти. В учебнике по этнографии народов СССР должна быть в первую очередь показана та колоссальная работа, которую провела Коммунистическая партия для того, чтобы возродить все эти народы и сделать нашу страну подлинным содружеством свободных наций. Никакого намека на это мы в книге С. А. Токарева не находим. «Я думаю,— сказал далее С. П. Толстов,— основная ошибка автора заключается в том, что он взял на себя непосильную задачу, ибо написать книгу такого объема, в которой должна быть освещена жизнь многих десятков народов, при современном развитии науки один человек не в состоянии; времена Георги давно прошли. Перед коллективом этнографов стоит поэтому важнейшая задача написать книгу по этнографии СССР, и к этому должны быть привлечены наши виднейшие специалисты по отдельным народам».

О. Корбе